

С чего начинается Родина...

...Тяжелое небо, чёрная земля, ветер, бьющий в лицо. Оглушительные взрывы, сирены, грохот и раздающийся отовсюду плач людей. Горящая изба, я на руках у матери. Она закрывает мне лицо чем-то теплым и, надрывно кашляя, выбегает из дома, рядом с нами бежит кто-то тоже родной. Мама горько плачет, но вскоре слез у нее уже не осталось.

Ослепительная вспышка. «Не надо нас фотографировать!» – раздался мамин еле слышный возглас. Казалось, что и сопротивляться она уже не может.

Монотонный стук колес, тихие стоны, плач детей, шепот – звуки идут отовсюду. Я открываю глаза, но передо мной только темнота. Слышу родной голос: «Осталось совсем немного, потерпи еще чуть-чуть. Ты такая смелая, доченька.»

Я оказываюсь на холодной земле – уже рядом с поездом. Мама с красными от слез глазами наказывает не шевелиться и не подавать голос до рассвета. «Так надо, доченька, прости меня, но завтра будет уже поздно. Бог поможет, добрые люди сберегут тебя...» – ее слова еще раздаются эхом в моей голове, а поезд уже неумолимо уходит вдаль...

Этот сон преследует меня все годы.

Кто эта девочка? Что стало с ее семьей? Почему именно этот кошмар снится мне каждую ночь? Тревога с каждым днем все нарастает.

Мне исполнился 21 год, когда письмо с знакомым адресом потревожило меня. Родители просили навестить их. В доме тише, чем обычно, ходики испуганно спешили. Между тик и так пронеслись десятилетия, перевернув всю мою жизнь.

Теперь я знаю, что та девочка из сна – это я. Мои родители нашли меня одним утром вблизи от железнодорожных путей. По ним поезда шли в Плашов – концлагерь, куда свозили военнопленных из захваченных территорий юга Советского Союза. Когда меня принесли в дом, в моей одежде новые родители нашли фотографию, сложенную вчетверо. На обороте была сделана запись, буквы дрожали: «Сергеева Екатерина Ивановна, 12 января 1939 года, село Лебяжье Воронежской области».

Родина... Что тянет нас в далёкие и порой неведомые просторы? Какая боль зовёт соприкоснуться с былым и рассыпаться пеплом? Что нам в имени безвестном и глухой памяти? Пенящиеся зеленую берёзки или золотые поля, медовый запах или тени и смрад старого кладбища? Фотография... Набатом звучащая, криком падших зовущая. Родина... Я не смогла остаться равнодушной.

И снова стук колёс и биение сердца слились воедино. «Тук, тук, тук», – рывками движет оно поездом, мчащим меня в прошлое. Выхожу на одном из

полустанков. Жара, где-то в траве потрескивает кузнечик. Сладость, разлитая в воздухе, будоражит воображение. В маленьком белёном домике с красной крышей нахожу стрелочницу, дежурящую у переезда.

- Скажите, как до Лебяжьего добраться?

Ярко-оранжевая форма покоробилась, подтверждая недоумение женщины:

- Та нет тут его, не слыхала.

Я развернула бережно фотографию, и дежурная, старательно шевеля губами, прочла:

- Тю, да то ж давно было. Должно, Егорыч знает. Айда к нему.

Мы брели по торной тропе к маленькой хатке, издалека кажущейся игрушечной. Где-то неподалеку на невысоком пригорочке грелся на солнышке горяч камень. Завидев нас издали, хозяин выбрался из тенистого приволья.

- Здрав будь, Егорыч, - молвила прожатая и пустилась обратно.

Передо мной стоял седой потухший старик, согбённый судьбой. Лишь глаза его, васильковым цветом подсвечивая сухость морщин, говорили о мудрости лет. Растерявшись, я протянула фотографию, пробормотав: «Лебяжье...». Как подкошенный рухнул он, нежно прижимая к груди и нянькая старенькое фото. Вой плакальщицы слился с песней и взвился к небесам. Я остолбенела, боясь дышать. Вдруг отчаянно вскочил быстро старец на ноги и, цепко ухватив за руку, потащил к солнечному кругу, где громоздился шершавый камень.

- Вот оно, Лебяжье, - сурово проговорил он. — Ты, знать, не помнишь, мала была. Сенька я, дружок сестрицы твоей...

Они стояли рядом, глухое безмолвие, казалось, остановило время.

Родина. Нет ближе и дороже стороны. Не люди и не дома зовут нас сюда. Единение душ, сокрытое в тёплом дожде и проросшем колосе, в выжженной земле, что звалась когда-то Лебяжьим...